

ЗАМЕТКИ
И ПИСЬМА
В РЕДАКЦИЮ

ГОСУДАРСТВО И ИНСТИТУТЫ:
ОБРАЗОВАНИЕ
КАК ПРОДУКТ И ГЕНЕРАТОР
ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ИЗМЕНЕНИЙ¹

Н.Г. Яковлева

DOI: 10.33293/1609-1442-2020-3(90)-143-150

Автор анализирует дискуссию по проблемам генезиса и роли институтов в экономическом развитии и показывает, что, в частности, в дискуссии сторонников «панинституционализма», «идеационного подхода» и «критического марксизма» ее участники не учитывают диалектический характер связи между развитием экономических отношений, институтов и идей. Взаимодействие между ними включает не только прямые, но и обратные, взаимные влияния. Последние действительно обуславливают то, что идеи оказывают определенное обратное воздействие на формирование институтов, но только тогда, когда они проникают в сознание экономических акторов, способных осуществлять институциональные изменения. Важную роль в этом процессе играет образование как составная часть культуры. Эта роль образования становится еще более значимой в условиях креативной революции, когда главным фактором развития экономики становится творческий потенциал человека.

© Яковлева Н.Г., 2020 г.

Яковлева Наталья Геннадьевна, к.э.н., доцент, ведущий научный сотрудник Центра экономической теории социального сектора Института экономики РАН и Научно-образовательного центра современных марксистских исследований философского ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; tetn@yandex.ru

¹ Автор выражает благодарность Бузгалину Александру Владимировичу, д.э.н., профессору кафедры политической экономии МГУ им. М.В. Ломоносова, в результате дискуссии с которым и родились основные идеи данного текста.

Ключевые слова: институционализм, «идеационный подход», марксизм, образование, государство, экономическое развитие.

JEL: B40, B51, N00, O30, O43, P14.

Развернувшаяся в журнале «Вопросы экономики» дискуссия, в которой Р.И. Капелюшников противопоставил «панинституционализму» «идеационный подход» (Капелюшников, 2019а, 2019б), а А.В. Бузгалин с А.И. Колгановым предложили в качестве альтернативы и тому, и другому то, что можно было бы обозначить как «панмарксизм» – универсальный метод и теорию (ничего другого от этих соавторов мы, естественно, ожидать не могли) (Бузгалин, Колганов, 2019а), затрагивает не только вопросы глубокой теории. Та или иная позиция в этой дискуссии прямо связана с выбором и вполне определенной позицией по многим практическим вопросам. Это касается, в частности, вопроса о способности государства генерировать новые экономические институты, а значит, вопросов роли государства в экономике (Воейков, 2018) и определения соотношения между институтами рынка и общественным регулированием.

Не менее важным практическим вопросом, определенное решение которого зависит от того, как автор понимает место и роль институтов и идей в экономике, является и соотношение между технологическими и экономическими трансформациями (Бодрунов, 2018; Глазьев, 2019; Бузгалин, 2018) и, в частности, возможностями активного ускорения технологического прогресса при помощи институциональных преобразований, действий государства.

Так перед нами встает вопрос: в чем основа формирования и новых институтов, и тех идей, благодаря которым (по Капелюшникову) происходят экономические, социальные, технологические и тому подобные трансформации?

Формирование институтов и идей: государство, образование и... исторически конкрет-

ные системы социально-экономических отношений. На поставленный выше вопрос можно дать два различных простых ответа. Первый: институты формирует государство, причем «хорошие» институты формирует «хорошее» (либерально-демократическое) государство, а «плохие» институты – «плохое» (авторитарное). Второй ответ: институты есть продукт материализации идей.

Первый ответ был подвергнут достаточно тщательной и в основных моментах аргументированной критике в статьях Р.И. Капелюшникова. Второй ответ их автор прямо взял из идеалистической традиции в философии. Но, на наш взгляд, этот подход имеет также и определенное материалистическое основание, поскольку, как известно, идеи становятся материальной силой, когда они овладевают массами.

Последнее утверждение не содержит, однако, ответа на другой вопрос: а что лежит в основе формирования определенных идей? На первый взгляд ответ прост: идеи вырастают из определенной системы образования и воспитания, которая к тому же заметно влияет и на государство (хорошо известен тезис о том, что государственную политику делают профессора, учившие политиков).

В этом утверждении, упрощающем реальные связи между идеями и их материализацией, есть, однако, определенный смысл. Для того чтобы раскрыть смысл, рассмотрим более внимательно позицию А.В. Бузгалина и А.И. Колганова, пытающихся предложить некий универсальный третий вариант. Выделим центральный пункт их статьи. Он прост и воспроизводит идеи классического марксизма: «...условия экономической деятельности людей формирующимися независимо от их воли и сознания, под влиянием объективных материальных условий хозяйственного бытия. Субъективная деятельность общественного человека как творца истории может ускорить или затормозить течение объективных исторических процессов, может направить их по пути, на котором социальное творчество масс будет ориентировано на снятие

барьеров на пути прогресса технологий, экономики, общества или, наоборот, будет этому прогрессу противодействовать, но субъектом этого действия всегда будет общественный человек, а государство и иные политические институты, гражданское общество и теневые структуры служат лишь институциональным оформлением этих действий и лежащих в их основе объективных социально-экономических и проявляющих их политических интересов. Так решается проблема в марксизме» (Бузгалин, Колганов, 2019а, с. 99–114).

В этом пункте со многим можно было бы согласиться, но вот вопрос: а *что* и *как* формирует человека, становящегося или не становящегося творцом истории? Можно задать и еще один вопрос: *кто* формирует у человека такие качества? Может быть, именно институты, в адрес которых критически высказываются Бузгалин и Колганов? И какую роль во всем этом процессе играет государство?

Ответы «панинституционалистов» (в написании Капелюшников), точно так же, как и позиция самого автора «идеационного подхода», читателю журнала известны, и мы не будем их повторять. Отметим лишь правомерность упора на активную роль идей (Капелюшников, 2019а, 2019б) и неправомочность исключительно критического отношения к этому тезису Бузгалина и Колганова (даже в марксизме подчеркивается активное влияние идей на общественное бытие). Но тогда встает вопрос, который мы уже адресуем Капелюшникову: объективный идеализм (к которому близка позиция автора «идеационного подхода») видит в качестве источника идей Абсолютный Дух (Гегель, 1992). Согласится ли Капелюшников с тем, что именно Абсолютный Дух творит в конечном итоге и идеи, и институты? Думаем, что нет. Но тогда встанет вопрос, на который мы считаем необходимым дать ответ: что приводит к рождению новых идей? *И идеи ли первичны?* Для ответа на этот вопрос важно принять во внимание тот факт, что в современном институционализме немало внимания уделяется роли не только

технологий (Гэлбрейт: возвращение, 2017), но и роли культуры (Аузан, 2015), т.е. сферы идеального. На важную роль культуры в современной экономике указывают и Бузгалин и Колганов (Бузгалин, Колганов, 2019а), *но дальше они не идут*, а здесь скрыта важнейшая проблема, поскольку культура в широком смысле слова (включая не только искусство, но и науку, и, главное, образование) и является тем мостом, который соединяет общественное бытие и сознательные действия акторов экономики.

Заметим, что этот момент критики материалисты Бузгалин и Колганов упустили, хотя и акцентировали (здесь мы используем их часто употребляемый глагол) роль социально-экономических отношений как базиса, определяющего в конечном счете и институты, и идеи.

По этому пункту ничего другого от марксистов ожидать и не приходится, да и автор этого текста, не будем скрывать, тяготеет именно к этому течению. Но здесь важно то, что *связь между объективными производственными отношениями и институтами, равно как и идеями, имеет опосредованный характер*. Автор не спорит с историко-материалистическим тезисом о том, что общественное бытие определяет общественное сознание, а экономический базис – надстройку. Но для того чтобы такой подход был обоснованным, необходимо ответить на вопрос: *как* определяет, посредством каких процессов и отношений?

Для ответа на эти вопросы обратимся к одновременно и теоретическому, и практическому вопросу о роли образования и воспитания в формировании и идей, и институтов, используя в последнем случае подходы как «старого» (классического), так и нового институционализма и говоря об институтах и как о «правилах игры», и как акторах экономики.

Образование и его роль в формировании идей, «правил игры» и акторов экономики. Ответ на поставленные выше вопросы в этой заметке, посвященной дискуссии с позициями,

высказанными в названных выше статьях, будет достаточно простым и лаконичным. Как мы отметили выше, автор поддерживает подход, в соответствии с которым *развитие технологий и социально-экономических отношений обуславливает изменение институтов*. Далее эти изменения формируют среду, в которой создаются новые идеи. Существует и обратная связь: идеи оказывают обратное влияние на «правила игры» и их акторов. Далее институты, изменяясь, влияют на производственные отношения. Эта обратная связь важна, поскольку не во всяких условиях произойдут изменения, для которых развитие материальных факторов создало объективные предпосылки. Для превращения необходимости в действительность нужны, во-первых, «идеи», о которых справедливо пишет Капелюшников, и, во-вторых, превращение этих идей в действия общественного субъекта, о чем не пишет Капелюшников и о чем также не пишут в своей статье Бузгалин и Колганов². И здесь встает вопрос: *как идеи и субъективные действия оказывают обратное влияние на развитие экономики?*

Абстрактный ответ марксизма на этот вопрос известен. Влияние идей и субъективных действий на развитие экономики – результат исторического действия, познающего объективные законы общественного субъекта. Но главное здесь, на наш взгляд, конкретная *социально-экономическая* постановка вопроса. Последняя обуславливает необходимость показать, как, где, в *каких сферах происходит процесс познания объективных закономерностей* и как результаты этого познания «овладевают массами», которые становятся теми самыми акторами экономических и политических изменений. На эти вопросы должны были бы дать ответ Бузгалин и Колганов, но, однако, они его не дают.

Ответ на этот вопрос хорошо известен и важен. Основа этого ответа – раскрытое в ра-

ботах отечественных ученых (Луначарский, 1922; Ильенков, 1991; Лихачев, 2006; Бузгалина-Булавка, 2014; Миронов, 2019) понимание культуры не как одной из сфер деятельности и отраслей экономики, а как пространства творчества, интегрирующего в себе науку, образование, искусство, литературу и т.д. Наука в этом пространстве играет определяющую роль в генерации новой информации, тогда как образование выполняет по преимуществу функции формирования субъекта, способного овладеть уже существующей информацией и генерировать новую.

Именно в сфере науки зарождаются идеи, которые, материализуясь в инновациях, изменяют экономику. Более того, воспринятые рынком идеи, подтверждающиеся приобретением и потреблением инновационной продукции/услуг, становятся той движущей силой, которая подталкивает общество и государство к формированию новых институтов, с одной стороны, и становятся базой для дальнейшего развития образования, с другой.

Здесь, однако, важны уточнения. Во-первых, наука всегда интегрирована с образованием, даже если они формально относятся к разным отраслям экономики, поскольку в сфере науки происходит постоянное обогащение знаний ее участников. И наоборот: образование есть сфера, в которой в процессе обучения происходит и генерация новой информации. Во-вторых, образование – процесс, в котором объединены (или, во всяком случае, должны быть объединены) обучение, воспитание и просвещение (Смолин, 2014, с. 1007, 1023). В-третьих, образование (включающее воспитание и просвещение) всегда интегрировано с искусством и другими подпространствами креатосферы (социальным творчеством и т.п.). Как таковое образование являются той сферой, в которой формируется не только знающий и информированный человек, но и познающий и изменяющий экономику субъект.

Мы могли бы здесь завершить наши краткие заметки, посвященные анализу одного из вопросов дискуссии «панинституционалистов», «идеационников» и закоренелых

² Следует отметить, что в другой работе А.В. Бузгалин подчеркивает роль социального творчества в развитии экономики (Бузгалин, 2018).

марксистов. Но мы продолжим, так как кажущийся частным аспектом дискуссии и абстрактным вопрос о том, как формируются идеи и как они превращаются в силу, изменяющую экономику, на самом деле является *вопросом о развитии той сферы экономики, которая играет определяющую роль в решении проблем технологического и социально-экономического развития в XXI в.* В самом деле, именно образование в экономике, базирующейся на пятом и шестом технологических укладах, становится сферой, в которой формируются знания и креативный потенциал человека. А это главный источник развития современной экономики (Бодрунов, 2018, с. 73–74; Бузгалин, 2018).

При такой постановке вопроса на первый план выходят вопросы, которые носят уже не только теоретический, но и остро дискуссионный практический характер. Причина этого в том, что образование – это та сфера, которая не может не включать значительного объема производства не частных, а общественных благ и, соответственно, активной роли государства в этом процессе, что относится и к другим подпространствам культуры, в первую очередь к науке и искусству (Музычук, 2017, 2018).

Эти темы вошли в повестку дня научных и политико-экономических дискуссий еще в XX в., но начало четвертой промышленной революции, социально-экономические причины и последствия которой в последние годы широко обсуждаются в научной литературе, вновь сделало крайне актуальным вопрос о месте и роли образования в экономике и обществе в целом. Сегодня, когда категории «научно-технический прогресс» и «научно-техническая революция» сменил термин «четвертая промышленная революция» (Шваб, 2017), многое из положений дискуссий того времени воспроизводится вновь, в новых формах, в новом контексте и во многом – с прежним содержанием. Среди таких инвариантов наиболее значимым для нас остается сделанный еще в 1960-е гг. вывод о том, что *автоматизация производства приведет уже*

в ближайшее время к концентрации человека преимущественно на творческих функциях. Спустя полвека этот вывод неслучайно оказывается вновь актуален. Но теперь он формулируется уже как тезис о развитии знаниеемкого производства, интегрированного с наукой и образованием (Бодрунов, 2018, с. 78). В настоящее время, однако, трансформации идет дальше и *главным становится развитие творческого содержания труда*, а это такой труд, где и его средства, и его субъект, и его результат качественно отличаются от тех, что были характерны для «докреативной» эпохи. В новых условиях, которые могут быть обозначены как *креативная революция* (Бузгалин, Колганов, 2019б), *формируется и новая структура общественного производства*, в которой определяющую роль играет сфера производства творческих качеств человека, а это и есть образование в единстве обучения, воспитания и просвещения.

Вот здесь-то мы и подходим к ключевому пункту данного текста. Интегрируя тезисы о росте знаниеемкости материального производства в эпоху разворачивающейся четвертой промышленной революции, с одной стороны, и о прогрессе креативного класса, с другой, мы приходим к достаточно однозначному выводу о том, что сфера образования становится той сферой, в которой формируется главный ресурс и потенциал социально-экономического развития общества – *творческий потенциал человека.*

Такое положение образования в современной экономике и обществе (1) является результатом исторического развития общества и (2) воспроизводится в современных условиях только при условии активного общественного (в том числе государственного) содействия развитию данной сферы, что предполагает (3) реализацию соответствующей модели государственной политики в области образования.

Сказанное позволяет предложить читателю посмотреть, как то или иное решение вопросов, поднимаемых в дискуссии о природе формирования институтов и роли идей в этом

процессе, которая кажется абстрактной, методолого-теоретической, оказывается *основанием для вполне определенных выводов в области социально-экономической политики государства.*

Возьмем в качестве примера ту сферу, на важнейшую роль которой мы указали выше, – образование. Мы не будем ниже подробно разворачивать наше мнение по поводу того, как решают вопрос роли, места и природы образования «панинституционалисты» и критикующий их Капелюшников. Ограничимся кратким замечанием, что в конечном счете они, скорее всего, сойдутся на том, что образование должно быть личным делом частного индивида. С точки зрения первых, это обеспечат «хорошие» институты либеральной демократии и свободного рынка. С точки зрения второго, скорее всего, выяснится, что в XXI в., как, впрочем, и ранее, в развитых экономиках формируются по преимуществу *именно либеральные идеи, которые плохо совместимы с широким развитием общественного сектора и бесплатным предоставлением благ гражданам.*

Безусловно, сказанное не относится ко всем институционалистам (среди представителей классического («старого») институционализма есть немало сторонников преимущественного развития общедоступного образования (Гэлбрейт: возвращение, 2017)). Ряд представителей нового институционализма тоже не отрицает возможности сосуществования двух – частного и общественного – секторов образования. Возможно, и Р.И. Капелюшников не является сторонником полного отказа от общедоступного бесплатного образования.

Но можно точно утверждать, что упомянутые нами выше «критические марксисты» Бузгалин и Колганов будут выступать за все большее развитие именно общедоступного и бесплатного образования, *образования как сферы производства общественных благ, а не рыночных услуг.* И не потому, что ими движет альтруизм (хотя, возможно, он ими в чем-то где-то и движет...), а потому, что к этому их обязывает логика их позиции. В самом деле, если за «общественным человеком» (за этим

философским именем, используемым Бузгалиным и Колгановым (Бузгалин, Колганов 2019б)) скрывается, скорее всего, социальный класс, осуществляющий изменения в экономике и политике, познающий законы прогресса, и если он и является творцом истории, то обучение, воспитание и просвещение этого творца на общественные средства в общедоступных образовательных учреждениях – прогрессивное явление.

Соответственно и роль государства в этом процессе окажется совершенно различной, с точки зрения «панинституционалистов» и Капелюшникова, с одной стороны, и Бузгалина и Колганова, с другой. Первые будут поддерживать политику сочетания частного (доминирующего) и общественно-го (смягчающего «провалы рынка») начал на рынке образовательных услуг, а вторые – активную социализацию образования как сферы формирования человеческих качеств – вне зависимости от рыночной конъюнктуры.

* * *

Завершая наши краткие заметки, подчеркнем не просто актуальность, но высокую теоретическую и практическую значимость начатой журналом дискуссии. Она поднимает очень важные, фундаментальные вопросы: источники прогресса или регресса экономики, их критерии и, как следствие, цели социально-экономического развития. А это вопросы, ответ на которые важен не только для теории, но и для практики, что мы кратко показали на примере только одной, но становящейся ключевой в настоящее время сферы экономики – образования.

Список литературы / References

- Аузан А.А. (2015). «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего раз-

- вития – эволюция гипотез // Вестник Московского ун-та. Сер. 6. Экономика. № 1. С. 3–17. [Auzan A.A. (2015). Path dependence problem: the evolution of approaches. *Moscow University Economics Bulletin. Series 6*, no. 1, pp. 3–17 (in Russian)].
- Бодрунов С.Д. (2018). Ноономика: монография. М.: Культурная революция, 2018. 432 с. [Bodrunov S.D. (2018). *Noonomika*. Monography. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya. 432 p. (in Russian).]
- Бузгалин А.В. (2018). Поздний капитализм и его пределы: Диалектика производительных сил и производственных отношений // Вопросы политической экономики. № 2. С. 10–39. [Buzgalin A.V. (2018). Late capitalism and its limits: dialectics of productive forces and production relations. *Issues of Political Economy*, no. 1, pp. 10–39 (in Russian).]
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. (2019а). Экономическое развитие как смена качественно разных систем социально-экономических отношений: к критике «панинституционализма» и «идеационного» подхода // Вопросы экономики. № 10. С. 99–114. [Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (2019a). Economic development as a change of qualitatively different systems of social and economic relations: To a critique of “pan-institutionalism” and “ideational” approach. *Voprosy Ekonomiki*, no. 10, pp. 99–114 (in Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-10-99-114>.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. (2019б). Трансформации социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу? // Социологические исследования. Т. 10. № 26. С. 18–28. [Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (2019b). Social structure transformation of late capitalism: from proletariat and bourgeoisie towards precariat and creative class? *Sociological Studies*, no. 26, pp. 18–28 (in Russian).]. DOI: 10.31857/S013216250003744-1.
- Булавка-Бузгалина Л.А. (2014). Культура как онтологический императив: перезагрузка // Развитие и экономика. Июнь. С. 134–147. [Bulavka-Buzgalina L.A. (2014). Culture as an ontological imperative: reloading. *Development and Economic*, June, p. 134–147 (in Russian).]
- Воейков М.И. (2018). Государство как предмет политэкономического изучения // Вопросы политической экономики. № 1. С. 35–55. [Voeikov M.I. (2018). State as a subject of political and economic studies. *Issues of Political Economy*, no. 1, pp. 35–55 (in Russian)].
- Гегель Г.В.Ф. (1992). Феноменология дух / пер. Г. Шпета. СПб.: Наука-XLVII. 444 с. [Hegel G.V.F. (1992). *The Phenomenology of Spirit*. Saint Petersburg, Nauka. 442 p. (in Russian).]
- Глазьев С.Ю. (2019). Приоритеты опережающего развития российской экономики в условиях смены технологических укладов // Экономическое возрождение России. № 2. С. 17–24. [Glazev S.Yu. (2019). Priorities of the Russian economy's accelerated development during the transition to a new technological model. *Economic Revival of Russia*, no. 2, pp. 17–24 (in Russian).]
- Гэлбрейт: возвращение: монография (2017) / под ред. С.Д. Бодрунова. М.: Культурная революция. 424 с. [Galbraith: the return (2017). Monograph. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya. 424 p. (in Russian).]
- Ильенков Э.В. (1991). Философия и культура. М.: Политиздат. 464 с. [Ilyenkov E.V. (1991). *Philosophy and culture*. Moscow, Politizdat. 464 p. (in Russian).]
- Капелюшников Р.И. (2019а). Contra панинституционализм. Часть I // Вопросы экономики. № 7. С. 119–146. [Kapelushnikov R.I. (2019a). Contra pan-institutionalism. Part I. *Voprosy Ekonomiki*, no. 7, pp. 119–146 (in Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-7-119-146>.
- Капелюшников Р.И. (2019б). Contra панинституционализм. Часть II // Вопросы экономики. № 8. С. 98–126 [Kapelushnikov R.I. (2019b). Contra pan-institutionalism. Part II. *Voprosy Ekonomiki*, no. 8, pp. 98–126 (in Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-8-98-126>.
- Лихачев Д.С. (2006). Культура как целостная среда. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: СПбГУП. [Likhachev D.S. (2006). *Culture as a holistic environment. Selected works on Russian and world culture*. Saint Petersburg, SPSUM (in Russian)].
- Луначарский А.В. (1967). Еще к вопросу о культуре // Собрание сочинений. Т. 7. М.: Художествен-

ная литература (Впервые напечатано в газете «Известия ВЦИК», 1922, № 249, 3 ноября). [Lunacharsky A.V. (1967). Still to the question of culture. *Collected works*. Vol. 7 (first published in “Herald of All-Russian Central Executive Commission”, 1922, no. 249, November 3). Moscow: Khudozestvennija Literature (in Russian).]

- Миронов В.В. (2019). «Мой оптимизм – сдержанный»: о философии, образовании и человеке в современной российской культуре // Концепт: философия, религия, культура. Т. 10. № 2. С. 9–26. [Mironov V.V. (2019). “My optimism is restrained”: about philosophy, education and man in modern Russian culture. *Concept: philosophy, religion, culture*, vol. 10, no. 2, pp. 9–26 (in Russian).]
- Музычук В.Ю. (2017). Государственный патернализм в сфере культуры: что не так с установками патера в России? Научный доклад. М.: Институт экономики РАН. 67 с. [Muzychuk V.Y. (2017). State paternalism in the sphere of culture: what is wrong with the attitudes of the «patera» in Russia? Scientific report. Moscow, Institute of Economics RAS. 67 p. (in Russian).]
- Музычук В.Ю. (2018). Сфера культуры и результаты культурной деятельности в контексте политэкономического подхода // Вопросы политической экономики. № 4. С. 91–104. [Muzychuk V.Y. (2018). The sphere of culture and the results of cultural activities in the context of the political economy approach. *Issues of Political Economy*, no. 4, pp. 91–104 (in Russian).]
- Смолин О.Н. (2014). Образование – для всех: Философия. Экономика. Политика. Законодательство. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИКП «Академ-книга». 1120 с. [Smolin O.N. (2014). Education – for everybody: Philosophy. Economy. Policy. Legislation. 2nd rev. & exten. Moscow, IKP “Akadem-kniga”. 1120 p. (in Russian).]
- Шwab К. (2017). Четвертая промышленная революция: монография: пер. с англ. М.: «Э». 208 с. [Schwab K. (2017). The Fourth industrial revolution. Monograph: trans. from Engl. Moscow, “E”. 432 p. (in Russian).]

Рукопись поступила в редакцию 10.03.2020 г.

STATE AND INSTITUTIONS: EDUCATION AS A PRODUCT AND GENERATOR OF ECONOMIC CHANGE

N.G. Yakovleva

DOI: 10.33293/1609-1442-2020-3(90)-143-150

Natalya G. Yakovleva, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; tetn@yandex.ru

The author analyzes the discussion on the problems of the genesis and the role of institutions in economic development and shows that, in particular, in the discussion of supporters of “paninstitutionalism”, “ideational approach” and “critical Marxism” its participants do not take into account the dialectical nature of the connection between the development of economic relations, institutions and ideas. The interaction between them includes not only direct, but also reverse, mutual influences. The latter, in fact, determine that ideas have a certain opposite effect on the formation of institutions, but only when they penetrate the consciousness of economic actors capable of carrying out institutional changes. Education as an integral part of culture plays an important role in this process. This role of education becomes even more significant in the context of the creative revolution, when the main factor in the development of the economy is the creative potential of a person.

Keywords: institutionalism, “ideational approach”, Marxism, education, state, economic development.

JEL: B40, B51, N00, O30, O43, P14.

Manuscript received 10.03.2020